

Сто семнадцать миллионов мгновений весны

Известия. - 1998. - 8 августа.
мат. - с. 5.

У «Семнадцати мгновений весны» опять праздник: любимому сериалу четверть века. По этому поводу страна снова прилипнет к телевизорам. Который раз по счету, никто не знает. И сколько миллиардов человеко-часов угрожено на общение с обаятельными эсэсовцами и внедренным в их среду Штирлицем, — тоже. Но известно, что картину множество раз крутили в Чехословакии и Польше, Корее и Китае, Югославии и Венгрии. И везде улицы вымирали.

В России «Семнадцать мгновений весны» на экранах почти беспрерывно. «Три тополя на Плющихе» и «Карнавал» — тоже. По мировым стандартам — хиты всех времен. По мировым стандартам, их создательница богата и знаменита.

Но режиссер Татьяна Лиознова пропала с глаз людских. Кино не снимает, «в свет» не выходит, интервью не дает, живет отшельницей. Недавно перенесла серьезную медицинскую операцию. Но и до нее, в полном здравии, «общества» — чуралась.

— Татьяна Михайловна, ведь вы должны быть миллионершей!
— Я? Миллионершей?

— Многие уверены, что вы очень богаты. Ваши фильмы все время на экранах. «Семнадцать мгновений» недавно или по двум каналам одновременно!

— Ни за прокат в кино, ни за показ по ТВ я не получила ни копейки. Вы же знаете, как у нас обстоят дела с правами режиссеров... Но я о богатстве как-то не думаю. Привыкла по многу лет находиться, как на киностудиях говорят, в вынужденном простое.

— Вы счастливы?

— Мудрецы говорят: дарованная нам жизнь уже счастье. Но я не могу считать себя счастливой. Никогда не была довольна тем, что у меня получалось. Смотрю отснятые кадры и злюсь: да что ж это такое мы наснимали?!

— Неужели не чувствовали себя счастливой, когда шла те-

лепремьера «Семнадцати мгновений»? Ведь вы же знали, что вся страна у телевизоров?

— Не поверите, но я на премьере свой фильм не смотрела, а только слушала в соседней комнате, через открытую дверь наблюдая за мамой, которая сидела перед телевизором. Когда показали серию, где радистка Катя с детьми пытается скрыться от нацистской облавы, телефонных звонков было особенно много, и мы не поднимали трубку. Но один оказался очень насильственным.

— Кинорежиссер Татьяна Лиознова? — кричали в трубку. — Ее мама? Ой, мама кинорежиссера Татьяны Лиозновой! Это говорят с фабрики детской обуви. Мы все здесь перессорились: спасется Катя или нет? Мы работать не можем, фабрика остановится... Мы не выдержим. Ну, вы не говорите всего, а только — спасется или

нет? Мы никому не скажем...

— Судя по всему, мама была у вас самым важным зрителем.

— Показывать маме новый фильм было испытанием! Я следила в темноте, где она смеется, где смотрит с особым вниманием, волнуется. Она была моим помощником в киноэкспедициях. Укрощала мой командирский темперамент, помогала организовать бивачный быт. Как-то снимали в горах. Времени осталось в обрез. А тут по сюжету понадобился петух. Директор группы уверяет: все горы излазили, нет проклятого. Я вскипаю, а мама куда-то исчезает и через час появляется, торжествуя, с петухом в руках.

— Кем она была по профессии?

— Простая украинская женщина из села Крюковка. Она очень строго держалась своих представлений о смысле жизни, человеческого достоинстве,

честном труде и богатстве. С тремя классами школы она была, по моему убеждению, истинно культурным человеком.

— Какие качества личности для вас наиболее важны?

— Честность, верность слову, чувство достоинства. Способность сопереживать радость и горе с теми, кто рядом. Умение чувствовать красоту. Я и здесь вспоминаю маму, она тянулась к прекрасному. Родители жили в Москве, в каком-то подвальном помещении. Мама рассказывала, что кровать, стол и стулья им заменяли деревянные ящики. Но печь, как в украинской хате, мать постоянно белила. Она была беременна мною, когда кто-то ей сказал: «Ты живешь рядом с Третьяковской галереей. А там — красота! Ходи, смотри! Пусть твой ребенок тоже «видит» красоту. И мама каждый день часами простаивала перед шедеврами Третьяковки, рассматривала, вникала в каждую деталь картин, изумляя экскурсоводов тихим восторгом перед открывавшейся красотой.

— Вы резко изменили свой образ жизни. Всегда были человеком активным, боевым. Избирались членом правления Союза кинематографистов. И вдруг исчезли...

— Исчезла не я. Рухнула не просто страна, держава, а целая цивилизация. Она была еще ребенком (надо слышать, с какой нежностью выпевает Татьяна Михайловна слово «ребенком»). Ей еще только предстояло себя образовать, очищаясь от того, что мешало ей стать демократической.

— Вы человек верующий?

— Верю в справедливость,

как ее понимаю, в те вековые мечты народов, которые были записаны еще в Евангелии и перенесены у нас на знамена. Но их закидали грязью. Вслушайтесь, как люди в хо-о-роших костюмах играют сегодня словом «совки». Это кто же «совки»? Наши отцы, которые жили честно, за счет своего труда, не воры, не грабители? За что же так унижать себя, своих родителей, предков?! На что же надеются эти люди, чего ждут от народа, которому они плюют в душу?

— Наше кино тоже тут не отстало и залило экраны «чернухой». Но в той же Америке даже в самые страшные времена кинематографисты никогда не позволяли себе изображать свой народ толпой подонков.

— Я отношусь к Америке и ее фильмам не однозначно. В первые послевоенные годы, когда я училась во ВГИКе, мы восхищались американскими картинками, но вот появился итальянский неореализм и стал как бы эталоном нового кино. Позднее пришло понимание, что и там и тут есть поделки и есть шедевры. Но кто сказал, что американское кино не идеологизировано? Да какой фильм ни возьми, в нем государственный флаг на каждом доме, и гроб солдата, погибшего на войне, накроют американским флагом, и обязательно в самую печальную минуту будет герой, улыбающийся на все двести зубов.

Кстати, я читала недавно, что Клинтон забил тревогу: американские школьники мало читают, сутками сидят за компьютерными играми. Кажется, у нас такое же начина-

ется. Но ведь любовь к искусству, его понимание сами не приходят. Сергей Аполлинариевич Герасимов, появляясь в дверях нашей вгиковской мастерской, провозглашал: «Сегодня — ни лекций, ни репетиций: будем читать стихи!» Он говорил, что поэзия очищает умы и души от шелухи, возносит к высотам духа. А поднявшись на эту высоту, ты видишь мир новым зрением, и любишь его, и плачешь над ним, и хочешь в своем творчестве найти такие же образы любви, надежды и веры.

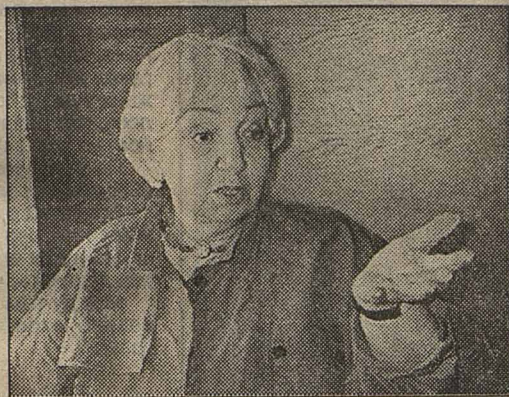
— Потом вы вместе с Кулиджановым возглавили ту же мастерскую. А потом неожиданно оставили институт. Почему?

— Была пора эйфории и надежд. А потом... И главная потеря: идеалы уступили место действительности. Над нравственными ценностями стали смеяться, на свою страну смотреть издевательски. На экранах кровь, криминал, наглый разврат. Весь советский кинематограф чехом объявлен лживым и ласкочувочным. Последствия, как мы видим, катастрофичны.

— Как вы относитесь к новым фильмам вашей родной Студии Горького?

— Меня поразила фильм моего бывшего студента. Он талантлив, и режиссерское решение меня убедило. Но сколько жестокости, тотального отрицания, сколько безнадежности! Вот такое кино и заставило меня усомниться в нашей педагогике, и я оставила профессию. Мир очерствел. Новая действительность всех разделила, и это самый горький итог.

Георгий КАПРАЛОВ.

Ее двухкомнатная квартира роскошью не поражает. Это противоречит всякому здравому смыслу.